

Окончание.
Начало в "РМ" №4194.

Борис Фрезинский

За кулисами триумфа

К истории парижского турне четырех советских поэтов

Споря с Незвалом, Безыменский нападал не только на Бретона, но и на Пастернака, которого Незвал, пытаясь найти аргументы, доступные своему оппоненту, возвышал ссылками на официальный доклад Бухарина, не понимая, что политическая судьба последнего в Москве уже решена. *"Пастернака Незвал и некоторые другие противопоставляют всей советской поэзии и ссылаются при этом на Бухарина, — жаловался в Москву Безыменский, полагая, что Карфаген все-таки должен быть разрушен. — Незвал насчет классовой борьбы вспомнил только после моих слов... Судя по тому, как жаро бежал он к телефону, чтобы говорить с Тайге, его теоретиком (Карел Тейге — теоретик и идеолог чешского сюрреализма. — Б.Ф.), видно, что он, Незвал, в лапах сего Бретонянского Мефистофеля... Необходимо дать бой сюрреализму — не в тоне откровенной полемики Эренбурга ("разные сюрреалисты, педерасты, сволочи") — дать бой статьями, исходящими от марксистов".*

В Париже советских поэтов опекал Луи Арагон. *"Видели Арагона, который многое нам порассказал, — докладывал Безыменский. — Скоро в интимном кругу встретимся с Жидом, Мальро и поэтами разных направлений. Кроме того, Арагон соберет молодых рабочих поэтов... Французские (так в тексте) поэты разобщены, мало печатаются, мало пишут. Единственное, что часть из них сближает, это "Maison de Culture (так в тексте)", где Арагон мытарится без помощи высших имен, входящих в секретариат ассоциации защиты культуры. Сюрреалисты Франции борются с СССР, избрали новую религию. "Эко де Пари" поместила хвалебную статью Бретону".*

От Франции в секретариат ассоциации защиты культуры входили Ж.-Р.Блок, А.Мальро, А.Шамсон, Л.Арагон. Выпад Безыменского, несомненно, направлен в адрес Мальро, которому неизменно протестировал Эренбург, доказывая Москве, что СССР в целях создания единого антифашистского движения западной интеллигенции следует делать ставку не на посредственных писателей-коммунистов, а на талантливых "полутчиков". Ревнивый Арагон не раз отправлял

Щербакову гневные инвективы на этот счет, требуя дезавуировать Эренбурга.

Замечу, что во время встреч в Париже с советскими поэтами Арагона резко раздражало поведение Безыменского и его взгляды; 26 декабря он направил в Москву А.Щербакову и Михаилу Кольцову (своим обычным адресатам по делам Международной ассоциации писателей в защиту культуры) письмо, в котором поделился впечатлениями от парижских встреч с четырьмя московскими поэтами и откровенно пожаловался на ошибочную линию Безыменского, назвав ее — в духе доклада Бухарина — *"отрыжкой РАППа"* и попыткой *"одемянивания"* поэзии.

В воспоминаниях 1971 года Безыменский уважительно вспоминает парижские встречи с Эренбургом, но в 1935 году относился к нему с откровенной недоброжелательностью. Первый советский роман Эренбурга *"День второй"*, вышедший в Москве в 1934 году и официально, по команде сверху поддержанный Радеком, не убедил пролетарских ортодоксов в *"перековке"* автора *"Хулио Хуренито"*. Они называли его новоявленным советизмом *"двухдневным"*; роль неофициального полпреда советской культуры на Западе, взятая им на себя, активная пропаганда поэзии Пастернака, ставка на Мальро — все это вызывало у них раздражение.

"Не могу развернуть информацию о "работе" Эренбурга, — доносил из Парижа Безыменский. — Я еще посмотрю и напишу подробно; рассказывать буду кто и что о нем говорит. Но мое первое впечатление — вреднейшая "деятельность" Ильи двухдневного в отношении поэзии советской и не менее вредная в отношении французских дел, в частности — к писателям коммунистам. Это политический факт, а не следствие моей не любви к сему гению". (Увы, обнаружить обещанные подробности в московских архивах не удалось).

Конечно, постоянно думать только о делах политических в Париже трудно, и двумя строчками Безыменский ин-

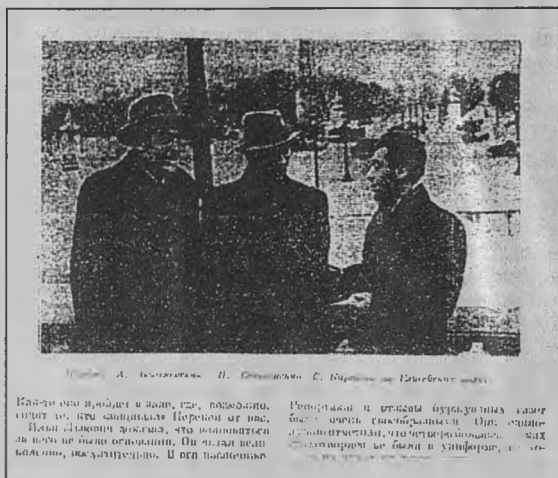
формирует об этом старших товарищей: *"Город осматриваем тщательно. Ребята восхищены. В кабаках тоже побывали, но мало и с приличными людьми".* Однако и в этих вояжах главной заботой информатора остаются *"три товарища"* из команды. Судя по двум отчетам, минимум политических

потому, рассказывая о выступлении в Парижской консерватории, писал только о себе: *"Я был в совершенно ослепительном очаровании. Никто не мог быть равнодушен. Кирсанов губами повторял каждый мой звук. Безыменский потом говорил мне, что жалел, что сидел сзади: он так любит смотреть, как движется кончик моего языка".*

Одна из главных задач политического руководства группой: чтобы товарищи всюду говорили то, что надо, чтобы, выступая, читали то, что надо, а не что захочется. В воспоминаниях Безыменского об этом сказано так:

"Каждый из выступающих поэтов (речь идет не о французах. — Б.Ф.) мог читать те стихи, какие захочет, в любом жанре, в любом ритме, любого содержания".

А вот строки отчетов: *"В Праге Кирсанов, обманув нас, прочел никем не предусмотренную "Мэри-наездницу", хотя я шепнул ему, чтобы он отказался от этого намерения... Семе почти безразлично стало после первого стихотворения, ЗА ЧТО ему будут хлопать, лишь бы хлопали, и вот "Мэри"... Кирсанов всюду (и на вечере публичном тоже!) требует, чтобы Сельвинский читал "Цыганскую рапсодию" и "Цыганский вальс". Подхалимничает он перед Сельвинским дико, толкая его на читку того, что в данных условиях ВРЕДНО НАМ".* (Безыменский, правда, успокоил Москву: по этому поводу сам Сельвинский сделал Кирсанову внушение; однако в письме Сельвинского домой выражалось явное удовольствие и тем, что ему удалось в Париже на *"бис"* все-таки прочесть *"Цыганскую рапсодию"*, и комплимен-

Воспоминания Безыменского на страницах журнала "Нева".

забот доставлял Луговской. Сложнее было с Сельвинским (в отчетах он часто именуется *"Сильвой"*).

Автор *"Улялаевщины"* и *"Пушторга"*, надо полагать, не забыл нападков на него Безыменского (*"идейные срывы"*, *"делаческие тенденции"*) в речи на 1-м съезде советских писателей, которую он в своем выступлении на съезде назвал *"митинговой"*. Сохраняя позу литературного мэтра, он вынужден был политически подчиниться певцу комсомола. *"Проявления того эгоцентризма, который столь резко проявляется у Сельвинского, не видать. По всем вопросам "социально-политического порядка", большим и мелким, он трогательно советуется со мной"*, — докладывалось в Москву из Вены, а затем из Парижа: *"Сильва иногда виляет в сторону, однако серьезного ничего нет, он умница и кроме того чувствует себя советским поэтом, как никогда".*

Сельвинский о поездке докладывал не старшим товарищам, а жене и

тами Кирсанова: *"Кирсанов говорит, что я сам был похож на арфу и что было такое впечатление, будто если коснуться пальцем моего плеча — зазвучит звук. Я это и сам знаю".*

Оба отчета полны обвинений в адрес Кирсанова:

"Я усиленно сдерживаюсь, чтобы не выматериться, но это мое частное дело. В отношениях к нему я спокоен, хотя пришлось на "собраниях четырех" делать прямые честные внушения, с ним я говорю мирно, но Аллах знает, что это мне стоит. Однако в вопросах принципиальных не уступаю ни пяди, как и полагаюсь. Этот человек всюду суетится. Это его основное качество. Он всюду лезет вперед, подчас не дает никому говорить, желая показать именно себя "вождем" литературы и группы путешественников. Это он хочет разъяснить спорные пункты, это он хочет определить политику. Но важнее всего СУТЬ его высказываний. Прежде всего он заявил, что никогда не отказывался от теорий Лефа. Затем он объявляет экспериментаторов и формалистов единственно подлинными поэтами. Я уже не говорю, что дружбу с Маяковским хочет сделать основой своего "успеха". И, как всегда бывает, этот революционный поэт помогает именно ПРАВИМ тенденциям литературы. Тушину он заявляет, что будет его "напастерначивать", в то время как Безыменский, мол, будет против Пастернака. В паре случаев Кирсанов становится на сторону противопоставивших Пастернака поэтам-коммунистам. Кирсанов хвалил стихи чешских поэтов, и особенно сюрреалистов, НЕ ПОНИМАЯ СМЫСЛА СТИХОВ. Все, что читал Незвал, сопровождалось восклицаниями "изумительно!", "необыкновенно!" и т.п."

Когда Кирсанов в присутствии посторонних заметил, что на вечере в *"Люцерне"* Безыменский особенного успеха не имел, это было сообщено в Москву с примечанием: сказано-де было при двух ренегатах коммунизма, переводчике-бенешиевце и представителях буржуазных газет. Сообщение о том, что в Праге Кирсанов, никому ничего не говоря, заключил договор на антологию советской поэзии с немецким эмигрантским издательством *"Малик"*, сопровождалось примечанием: он вел с немецкими эмигрантами какие-то разговоры, о которых мы ничего не знаем.

Понятно, что Кирсанова — единственного человека в группе из близкого окружения Маяковского — особенно тепло принимали в доме Луи Арагона и Эльзы Триоле; в этой связи в Москву сообщалось: *"В семье Арагона он делает все, чтобы дискредитировать меня".*

И наконец — самое опасное обвинение: Кирсанов чуть не выдал фашистам немецкого писателя-коммуниста Вилли Бределя, нелегально ехавшего из Австрии. Увидев Бределя в вагоне-ресторане, Кирсанов громко его приветствовал, на что Бредель шепнул ему, что сможет узнавать друзей, только миновав границу Швейцарии. Перепугавшись, Кирсанов чистосердечно рассказал об этом Безыменскому (*"Кирсанов, бледный, как смерть, — говорится в донесении, — сам рассказал мне об этом, дрожжал три часа до границы, но от этого не легче"*). Признание его не спасло — начальство было поставлено в известность; сам информатор закончил свое сообщение такой ремаркой: *"Мне надоело о нем говорить, но надо"*.

Из Парижа советские поэты отправились в Лондон.

Втроем.

Без Кирсанова.

Санкт-Петербург